

МАШИНА вымчалась из золотой, полуобсыпанной рощицы, ододела покатым взгорком и пошла дорогой, лежавшей широким полем, где недавно стояла в пояс пшеница, — а сейчас до самого горизонта уходило упругое низкое жнивье.

Дорога, измочаленная в недавнюю непогоду, стала нырковой и ухабистой. На одной из выбоин машину закинуло, и Оганов, задумчиво смотревший на убранные поля, ткнулся плечом о дверку, повернулся к бухгалтеру, сидевшему на заднем сиденье:

— Вот и закончилась наша страда. Даже скучновато стало, тоскливо как-то на душе.

Задорожный посмотрел на грустное лицо председателя, ничего не ответил, только вздохнул: «Невесело, поди бобылем жить...»

А председатель снова замкнулся. Мыслями был далеко. Вспомнились дни, когда работал мастером на заводе, их цех шефствовал над одним колхозом, что находился вблизи города, и они часто выезжали на помощь селянам.

Той осенью была обычная поездка. Кажется, копали картофель. Вечером, вот таким же сухостойным и вызревшим, он возвращался с поля. У дороги росла широкая боярка. Возле стояла бригадный агроном и ела спелые ягоды. На ней было не по сезону легкое платье и коротенькая кофточка. Поглядывая на подхопившего Оганова, она спокойно поплевывала косточками.

— Вкусно? — спросил Оганов.

— Попробуйте. На вкус и цвет... — глаза у агронома задулись, и Оганов увидел их голубыми с розовой подкраской. Наверное, от заката, что нехотя стекал за неровный оакем земли у него за спиной. Маленькое личико девушки свежее, протеекое. Такие бывают у

подростков после купания.

— Ты такая же колючая? — кивнул Оганов на боярку.

— Острее.

— Люблю острых и колючих.

— С чего бы?

— С ними жить не скучно.

— Так сразу? — Девушка

подтянулась на цыпочках, сорвала гроздь ягод, повторила: —

Так сразу и о жизни?

— Почему бы и не о жизни?

гулки. Я чувствую себя бодрее, куда бодрей, чем раньше.

— И не ради меня, выходит?

— лукаво щурила свои голубые глаза Клава, тем временем заваривая чай.

— Ради прогулки, да! — нагонял на себя серьезный вид Оганов, подходил к девушке,

обнимал ее и они смелись.

Летом Клава расчиталась и переехала в город. Но странно

Вовке. Может, любовь отгорела. Кто знает, какая она, эта любовь, чем ее подкармливать надо. Расчет ли, уважение, стремление иметь под рукой друга или...

Оганов не довел мысль до конца, помолчал некоторое время и заговорил снова:

— Я ж в колхоз поехал тридцатитысячником. Клава не возражала. Как-то в обком меня вызвали на трехдневный семинар. Метель в ту пору разгулялась страшная. Без меня Вовка неожиданно заболел. Снегу, видно, схватил на улице. Температура враз поднялась. К вечеру Клава за фельдшером сбежала. А та врача погребовала. За ним в райцентр — двадцать шесть километров. Не мало — в непогоду. Выехал конюх на племенном жеребце, проплутал старик всю ночь. Только утром добрался... Но было поздно, с этого и началось...

— Вернулся однажды с поля, устал, в голове одно: добраться бы до постели. А дома на столе записка. «Просила, молила тебя уехать из этой дыры...». В общем, уехала. А что я тепер в городе? К земле прирос луповиной. Не оторвать. Люди в меня поверили. Большое дело, если верят в тебя, товарищ бухгалтер...

— Мда-а... Так оно так, — неопределенно ответил Задорожный, заполняя паузу.

В Милково машина входила по синим сумеркам. По улочкам-стежкам укладывалась парковая тишина. Кое-где над трубами домов столбился дымок, светились уютом окна.

Оганов выбрался из машины у своего дома, попрощался. Прошел к крыльцу, достал сигареты, закурил.

(Окончание следует).

П. ШМАКОВ

РАССКАЗ

Возвращение

— Оганов подошел ближе, сорвал несколько мягких ягод.

— Полезные. Витаминов много, — засмеялась девушка. — В городе такой не отыщешь.

— Ягоды или девушки? — лукавил Оганов.

— О-о-о... Да вам палец в рот не клади.

В тот вечер они ходили за околицей допоздна. Говорили о пустынных и никчемных вещах. Слушали, как от деревни напевала девичья песня:

Потеряла я колечко,

Потеряла я любовь.

Я по этому колечку

Буду плакать день и ночь...

— Человек тоже, как песня.

— сказала тогда Клава. Так звали агронома. — У каждого своя мелодия в жизни. Одного любят всю жизнь, а другого — «вспышка в небе — цвет черешни»...

Оганов зачистил в деревню. Зимой, даже в сильную пядеру, после смены он ходко отмеривал шесть километров и, отогреваясь у печки, высказывал:

— На пользу мне такие про-

получилось: Оганов слюбился с деревенскими вечерами и ночами. В памяти часто-причасто рисовалась деревушка, утонувшая в тишине. Редкие огни, густые звезды, даже собачий взбрых с фальшивинкой и тоскующие девичьи песни запали в душу, припались. Порой Оганову казалось, что только в деревне могут быть люди кристальной чистоты, с открытым сердцем. Там все как на ладо-ни...

— Мда-а-а — покрутил головой Задорожный. — Мда-а-а... Сергеевич? На деревне разное я слышу о твоём... гм-м, ну, как это, семейном положении...

— Не склеилась жизнь наша. Не склеилась.

Задорожный понял: Оганов думал только что о жене и ему, пожалуй, не хочется ворошить прошлое. Но тот заговорил голосом спокойным, будто совсем не о себе, а о ком-то другом.

— Сын у нас был — мирно, вроде, жили. Умер Вовка, и все в тартарары полетело. Разное в голову приходит. Может, от тоски, убивалась-то сильно по